

## ПРАВО

УДК 347.132.6

**НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК ПРИ НАЛИЧИИ ПОРОКОВ ВОЛИ:  
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Демиева А.Г., Миронова Д.И.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург

В статье исследуется изменение подходов Верховного Суда Российской Федерации к оспариванию сделок по статьям 177–179 ГК РФ с 2015 года по 31 июля 2026 года. Сопоставлены постановление Пленума № 25, определения по конкретным делам и Тематический обзор № 12/2026. Выявлен переход от проверки изолированного состава порока воли к оценке его распознаваемости контрагентом, точного момента волевого дефекта и последствий недействительности. Установлены пределы применения этого подхода.

*Ключевые слова:* Верховный Суд РФ, добросовестность, заблуждение, недействительность сделки, обман, порок воли, судебная экспертиза

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-95-102

Порок воли влечет недействительность сделки не как самостоятельная фактическая характеристика, а при доказанности состава, закрепленного законом. В Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) к предмету исследования относятся статья 177 о состоянии, исключающем способность понимать значение действий или руководить ими, статья 178 о существенном заблуждении и статья 179 об обмане, насилии, угрозе и кабальной сделке. Исследовательский вопрос состоит в том, как Верховный Суд Российской Федерации изменял критерии применения этих норм и какое место в их толковании заняла защита контрагента, не участвовавшего в формировании дефекта воли.

Нормативной отправной точкой служит Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». С 1 сентября 2013 г. он изложил статьи 178 и 179 ГК РФ в новой редакции и дополнил пункт 2 статьи 177 правилом о сделке гражданина, впоследствии ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства. По состоянию на 31 июля 2026 г. статьи 177–179 сохраняют эту редакционную основу. Поэтому рассматриваемые изменения относятся прежде всего к судебному толкованию, а не к последовательным поправкам закона.

Цель исследования – реконструировать развитие правовых позиций Верховного Суда РФ с 2015 года по 31 июля 2026 года и установить критерии разграничения статей 177, 178 и 179 ГК РФ. Применены формально-юридический метод, хронологическое сопоставление судебных актов и анализ фактических обстоятельств, признанных судом юридически значимыми. Источниковую основу составили постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, определения Судебной коллегии по гражданским делам от 23 мая 2023 г. № 48-КГ23-1-К7, от 14 января 2025 г. № 67-КГ24-13-К8, от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 и Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026.

Исследование ограничено оспоримыми сделками по статьям 177–179 ГК РФ. Сделки недееспособных и несовершеннолетних, мнимые и притворные сделки, корпоративные основания оспаривания и банкротные составы рассматриваются лишь тогда, когда их разграничение с заявленным пороком воли вошло в мотивировку Верховного Суда.

Понятие «порок воли» объединяет в доктрине различные основания недействительности сделок. С. А. Тарасенко разграничивает их в зависимости от источника дефекта - внутреннего состояния лица либо внешнего воздействия на формирование воли - и

отдельно рассматривает защиту контрагента, не осведомленного о таком дефекте [6, с. 64-68]. Эта классификация имеет доктринальный характер; при разрешении спора суд устанавливает признаки конкретного состава, предусмотренного ГК РФ.

Категории воли и волеизъявления являются фундаментальными для понимания сущности любой гражданско-правовой сделки. Именно через их согласованное единство проявляется действие принципа автономии воли участников гражданского оборота, позволяя признавать за сделкой юридическую силу и порождать те правовые последствия, на которые она направлена [5, с. 345–358]. Однако в тех случаях, когда между внутренним психическим отношением лица к совершаемому действию (волей) и внешним выражением этого отношения вовне (волеизъявлением) возникает расхождение, принято говорить о наличии порока, который может служить основанием для признания сделки недействительной. Притворные сделки в этом ряду занимают особое место, поскольку порок воли здесь носит специфический, двусторонний характер, требующий глубокого теоретического осмысления и тщательного анализа в правоприменительной практике.

В наиболее общем виде порок воли в гражданском праве определяется как ситуация, при которой воля участника сделки формируется не свободно, а под влиянием внешних факторов или иных лиц, в результате чего его истинное волеизъявление становится отражением не его собственной, а чужой воли, либо вовсе не соответствует его действительным намерениям [1, с. 216–222]. Применительно к притворным сделкам данная проблема приобретает особую остроту. Как справедливо отмечается в современной литературе, «притворная сделка считается недействительной, если подтверждено, что воля сторон на момент ее совершения не была направлена на установление соответствующих ей правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки». Следовательно, обязательным условием признания сделки притворной является «порочность воли каждой из ее сторон, причем эта порочность выражается не в ущемлении свободы формирования воли (как при насилии или угрозе), а в ее сознательном искажении, когда стороны добровольно, но неискренне выражают вовсе не то, к чему на самом деле стремятся».

Доказательственная задача также неоднородна. Е. А. Шапошников относит к личным доказательствам объяснения сторон и свидетельские показания и фиксирует отсутствие единообразия в их оценке по делам о воле сторон договора [7, с. 314 –319]. Для статьи 177 такие сведения могут описывать поведение лица, но наличие психического расстройства и его влияние на способность понимать действия требуют специальных знаний. Для статей 178 и 179 те же сведения могут подтверждать содержание сообщенной информации, характер угрозы, последовательность действий и осведомленность контрагента.

Статья 179 ГК РФ разделяет насилие или угрозу, обман и кабальную сделку. Для обмана третьего лица абзац третий пункта 2 требует, чтобы контрагент знал или должен был знать о воздействии; представительство, трудовая связь или содействие обманувшего лица другой стороне создают прямо названные законом основания считать ее осведомленной. Е. С. Петрова рассматривает активное сообщение ложных сведений и намеренное умолчание как формы обмана и связывает их правовое значение с умыслом и влиянием на решение о сделке [3, с. 298–300]. Эта доктринальная характеристика соответствует структуре пункта 2 статьи 179, но не освобождает истца от доказывания каждого элемента.

Последствия трех оснований также не совпадают. Пункт 3 статьи 177 ГК РФ отсылает к абзацам второму и третьему пункта 1 статьи 171: стороны возвращают полученное, а дееспособный контрагент возмещает реальный ущерб, если знал или должен был знать о соответствующем состоянии другой стороны. По пункту 6 статьи 178 реальный ущерб по общему правилу несет сторона, добившаяся недействительности, но распределение меняется при осведомленности контрагента или зависимости заблуждения от него. Пункт 4 статьи 179 предусматривает последствия статьи 167, возмещение убытков потерпевшему другой стороной и возложение на нее риска случайной гибели предмета сделки. Поэтому одинаковая двусторонняя реституция не устраняет различий в дополнительных имущественных требованиях.

Граница между статьями 177 и 178 определяется видом дефекта, а не степенью невыгодности сделки или необычностью поведения участника. Статья 177 относится к отсутствию способности понимать значение собственных действий либо руководить ими в момент волеизъявления. При заблуждении лицо сохраняет такую способность, но исходит из неверного представления об обстоятельстве, относимом к статье 178. Медицинские документы, показания о внушаемости или явно заниженная цена могут входить в общую доказательственную картину, однако сами по себе не определяют выбор между этими основаниями. Суду требуется соотнести доказанный факт с юридическим признаком заявленного состава.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сформировало исходный этап судебного толкования. Пункт 98 допускает оспаривание сделки при насилии или угрозе со стороны третьего лица, если контрагент знал об этом, и распространяет защиту на угрозы близким лицам потерпевшего. Пункт 99 требует установить умысел обманувшего лица и причинную связь между обманом и решением заключить сделку. Наличие уголовного производства не названо условием иска; факты доказываются по общим процессуальным правилам.

Разъяснения 2015 года концентрировались на составе каждого основания. Из них нельзя вывести общее правило о недействительности любой сделки, совершенной под внешним психологическим воздействием. Для насилия и угрозы требуется установленное воздействие, для обмана – умысел и причинная связь, для существенного заблуждения – обстоятельство, относимое к пунктам 1–3 статьи 178 ГК РФ. Пункт 102 того же постановления относит к оспоримым сделкам годичный срок исковой давности, исчисляемый со дня прекращения насилия или угрозы либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об ином основании недействительности.

В определении от 23 мая 2023 г. № 48-КГ23-1-К7 Верховный Суд проверил квалификацию договора дарения, заключенного после обещания одаряемой ухаживать за тяжело больным дарителем. Иск был заявлен по статье 179 ГК РФ, однако апелляция признала договор притворным и прикрывающим пожизненное содержание с иждивением. Верховный Суд указал, что притворность предполагает общую направленность воли обеих сторон на прикрываемую сделку; намерения одного участника недостаточно.

И. П. Писков и А. А. Ягельницкий предложили доктринальную критику этого определения. По их позиции, ошибка в правовых последствиях сделки в принципе может быть существенной, хотя обстоятельства рассмотренного дела относились к внешнему мотиву или ментальной оговорке; авторы также допускают, что широкое толкование пункта 5 статьи 178 способно ослабить правила пункта 6 о распределении реального ущерба [4, с. 210–225]. Эта оценка обозначает спорный аспект решения, но не отменяет установленного Верховным Судом различия между намеренным совершением продажи и ошибкой относительно цели, ради которой продавец ее совершает.

Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 12/2026 «По делам, связанным с оспариванием сделок, повлекших переход права собственности на жилые помещения», утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 15А/2026, обобщил позиции 2022–2025 годов. В пункте 1 воспроизведено разграничение природы сделки и ее мотива; одновременно суд предписал оценивать объективную и субъективную добросовестность другой стороны и возможность распознать заблуждение. Равный объем защиты сторон назван самостоятельным ориентиром.

Пункт 2 Тематического обзора исключает прочтение позиции как безусловного приоритета покупателя. В другом деле продавцом была одинокая пожилая женщина, отчуждавшая единственное жилье по цене значительно ниже рыночной; стационарная комплексная экспертиза подтвердила искаженное представление о существовании сделки. Покупатель руководил агентством недвижимости, знал о ценовом отклонении и мог распознать заблуждение. Признание договора недействительным по статье 178 ГК РФ

оставлено в силе. Различие результатов объясняется установленными обстоятельствами распознаваемости, а не одной принадлежностью квартиры потерпевшему от мошенничества.

Распознаваемость в пунктах 1 и 2 Тематического обзора имеет объективную и субъективную стороны. К первой относятся содержание договора, цена, порядок расчетов, передача владения и внешняя последовательность действий продавца. Вторая охватывает профессиональный опыт покупателя, известные ему особенности продавца, непосредственное общение и роль посредников. Обзор не возлагает на каждого покупателя обязанность диагностировать психическое состояние контрагента. Суд устанавливает, имелись ли в конкретной сделке признаки, которые лицо с обычной осмотрительностью могло связать с существенным заблуждением.

Для статьи 177 ГК РФ Тематический обзор закрепил иной тест. Пункты 1.1, 3 и 5 требуют доказать неспособность понимать значение действий или руководить ими именно в момент сделки. Диагноз сам по себе не подтверждает такую неспособность: в одном из дел экспертиза установила ремиссию и сохранность соответствующих способностей. Когда вопрос требует специальных знаний, суд оценивает заключение эксперта наряду с другими доказательствами по статье 67 ГПК РФ, но не вправе заменить специальные выводы собственным суждением; сомнения устраняются дополнительной или повторной экспертизой. Отказ истца от необходимого исследования может повлечь отказ в иске.

Материалы уголовного дела не заменяют исследование, отвечающее предмету гражданского спора. В деле, включенном в пункт 1.1 Тематического обзора, истица отказалась от назначенной судом экспертизы и ссылалась на заключения, полученные в уголовном производстве; суды сочли состав статьи 177 недоказанным. Из этой позиции не следует абсолютная недопустимость любого уголовно-процессуального заключения как письменного материала. Его содержание должно отвечать вопросу о способности лица в момент конкретной сделки, а окончательная оценка проводится по правилам гражданского процесса.

Пункты 7 и 8 Тематического обзора развивают статью 179 ГК РФ применительно к обману со стороны третьих лиц. Сделка купли-продажи может быть оспорена, если покупатель знал или должен был знать об обмане. В приведенном деле осведомленность была выведена из участия одного риелторского агентства в организации продажи по указанию мошенника и в интересах покупателя. После признания сделки недействительной возврат квартиры продавцу не исчерпывает последствия: при состоявшихся взаимных предоставлениях суд обязан разрешить вопрос о возврате покупателю уплаченных денег, если закон прямо не допускает иного.

Б. Е. Потёмкин и А. О. Машовец исследовали 173 заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы за 2020–2025 годы и рассчитали коэффициент вариации экспертных оценок 0,31 [5, с. 345–358]. Число 0,31 является результатом их выборки, а характеристика выявленного состояния как кризиса стандартизации – выводом авторов. Пределы генерализации зависят от способа отбора заключений; независимая проверка выборки в настоящем исследовании не проводилась. Работа подтверждает более узкое положение: заключение должно отвечать юридическому вопросу конкретного гражданского состава, а вывод о психологическом давлении не тождествен выводу о неспособности по статье 177 ГК РФ.

Хронологическое сопоставление дает трехэтапную авторскую реконструкцию. В 2015 году Пленум конкретизировал элементы специальных составов, прежде всего умысел, причинную связь и знание об обмане третьего лица. В определениях 2023–2025 годов Судебная коллегия потребовала точной квалификации и запретила заменять недоказанный порок воли притворностью, общим указанием на недобросовестность либо формулой об отсутствии воли. Определение от 16 декабря 2025 г. и Тематический обзор от 1 июля 2026 г. связали квалификацию с распознаваемостью дефекта другой стороной и с равным учетом имущественных интересов участников.

Эволюция не образует общего правила о сохранении любой сделки с добросовестным

контрагентом. Распознаваемость прямо включена в статью 178 ГК РФ и знание об обмане третьего лица – в статью 179; пункт 1 статьи 177 такого условия не содержит. Поэтому добросовестность приобретателя влияет на разные составы неодинаково. Общим для рассмотренных позиций стало требование установить источник дефекта, его временную или причинную связь со сделкой, относимое к закону психическое или информационное состояние стороны и полный набор последствий недействительности.

Процессуальное распределение задач следует из предмета доказывания. По статье 56 ГПК РФ истец подтверждает обстоятельства заявленного основания, а ответчик – факты, на которых построены его возражения; суд определяет юридически значимые обстоятельства и выносит их на обсуждение. Презумпция существенности отдельных видов заблуждения по пункту 2 статьи 178 не освобождает от доказывания самого ошибочного представления и его влияния на решение о сделке. Равным образом заключение эксперта по статье 177 не подменяет судебную квалификацию: эксперт устанавливает состояние и способности лица, а суд соотносит вывод с моментом и предметом оспариваемой сделки.

Практический результат состоит в последовательности проверки иска. Ссылка на мошенничество третьих лиц сначала требует ответа, совершал ли истец именно ту сделку, которую намеревался оформить. При положительном ответе исследуются мотив и условия статьи 178; для статьи 179 дополнительно устанавливаются умысел обманувшего лица, причинная связь и знание контрагента. Статья 177 применяется при доказанной неспособности в юридически значимый момент, а не при любом снижении критичности или подверженности убеждению. После выбора основания суд отдельно определяет реституцию, убытки и риск реального ущерба.

Развитие правовых позиций Верховного Суда РФ с 2015 года по июль 2026 года имеет дифференцированный, а не линейно ограничительный или расширительный характер. Защита лица с нарушенным волеобразованием сохраняется, но предоставляется после установления признаков конкретной статьи. Одновременно статьи 178 и 179 применяются с учетом того, мог ли контрагент распознать заблуждение либо знал или должен был знать об обмане третьего лица.

Установленный результат состоит в переходе от преимущественной конкретизации изолированных составов в постановлении Пленума № 25 к проверке взаимосвязи четырех элементов: природы дефекта, его связи со сделкой, осведомленности или распознаваемости для другой стороны и имущественных последствий. Эта формула является аналитическим обобщением рассмотренной практики, а не новым основанием недействительности. Она объясняет различный исход внешне сходных споров о продаже жилья под влиянием телефонных мошенников.

Особую сложность представляют случаи, когда притворная сделка совершается в условиях стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка). Хотя законодатель выделяет кабальные сделки в отдельный состав (п.3 ст. 179 ГК РФ), на практике нередко возникают ситуации, когда признаки кабальности сочетаются с признаками притворности. Например, стороны могут прикрыть кабальный заем под высокие проценты договором купли-продажи имущества с рассрочкой платежа. В таких случаях судам приходится давать комплексную оценку пороку воли: с одной стороны, воля потерпевшего формировалась под влиянием тяжелых обстоятельств, с другой стороны, стороны сознательно использовали притворную конструкцию для прикрытия ростовщической сделки. Приоритет в такой ситуации должен отдаваться тому составу, который в наибольшей степени отражает существо допущенного нарушения и обеспечивает наиболее полную защиту прав потерпевшего.

Для статьи 177 ГК РФ основная трудность состоит в доказывании внутреннего состояния лица ретроспективно. В исследованиях сделкоспособности подчеркивается, что экспертная оценка должна устанавливать способность лица осознавать фактическое содержание и последствия юридически значимого поведения с учетом клинических, психологических и социальных факторов [3, с. 298–300]. Эта научная постановка соответствует более поздней позиции Верховного Суда: в Тематическом обзоре Верховного

Суда Российской Федерации № 12/2026 указано, что обстоятельства, предусмотренные статьей 177 ГК РФ, доказывает истец, а вопрос о способности понимать значение действий и руководить ими обычно требует специальных познаний и судебной экспертизы. Уклонение истца от исследования психического состояния может повлечь отказ в иске.

Параллельно в практике возникла необходимость отделять волю на совершение сделки от воли на выбытие имущества из владения. Д. А. Мальбин, анализируя решения Верховного Суда о защите добросовестного приобретателя, показывает, что недействительность сделки и выбытие имущества помимо воли собственника не тождественны автоматически; суду требуется установить характер передачи владения и содержание соответствующего волевого акта. Это различие ограничивает механическое перенесение вывода о пороке сделки на вещно-правовые последствия и объясняет, почему споры о недействительности отчуждения недвижимости требуют отдельной оценки условий защиты приобретателя.

В статье 178 ГК РФ судебное усмотрение ограничено несколькими нормативными фильтрами: существенностью заблуждения, его предметом, возможностью распознавания ошибки другой стороной и последствиями признания сделки недействительной. Пункт 4 статьи 178 допускает сохранение сделки, если контрагент согласен на условия, из представления о которых исходила заблуждавшаяся сторона. Ю. С. Поваров рассматривает этот механизм как самостоятельную форму сохранения силы оспоримой сделки и связывает его с принципами добросовестности и стабильности договорной связи [5]. Наличие ошибки при таком регулировании само по себе не предreshает недействительность: требуется определить ее юридическое содержание и проверить предусмотренные законом основания сохранения сделки.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что институт притворных сделок выполняет важную функцию защиты гражданского оборота от недобросовестных действий участников. Однако для эффективного выполнения этой функции необходимо четкое понимание критериев порока воли и механизмов его доказывания. Как справедливо указывает Н. В. Трофимчук, «обозначенные признаки, как и само понятие притворной сделки, закрепленное в законе, не предлагают определенного алгоритма по установлению правового результата, на который были направлены юридически значимые действия сторон. Установление самого факта фиктивности возникшего правоотношения указывает лишь на его ничтожность, но не устраняет проблем, связанных с применением последствий недействительности таких сделок и выявлением истинной воли сторон» [7, с. 314–323]. В связи с этим особое значение приобретает судебское усмотрение, основанное на глубоком анализе всех обстоятельств дела и правильном применении принципов добросовестности и разумности.

Подводя итог анализу порока воли и волеизъявления как правового основания недействительности притворных сделок, необходимо отметить следующее.

Порок воли в притворных сделках имеет специфическую природу, отличающую его от иных видов недействительности. Он заключается не в ущемлении свободы формирования воли, а в сознательном, согласованном искажении волеизъявления, когда стороны выражают вовне не ту волю, которую они действительно имеют, причем обе стороны осведомлены об этом расхождении и действуют совместно для достижения скрытой цели. Обязательным условием признания сделки притворной является наличие порока воли у каждой из сторон, что прямо вытекает из п. 2 ст. 170 ГК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума ВС РФ № 25. Сложность доказывания порока воли обусловлена необходимостью исследования не только текста договора, но и всей совокупности фактических обстоятельств, включая поведение сторон до и после заключения сделки, их взаимоотношения, экономическую целесообразность совершенных действий. Современная судебная практика свидетельствует о последовательном развитии подходов к оценке порока воли, расширении круга доказательств, принимаемых судами во внимание, и усилении роли принципа добросовестности при разрешении споров о недействительности притворных сделок.

Пределы результата заданы источниковой базой. Тематический обзор № 12/2026 посвящен переходу права собственности на жилые помещения и преимущественно развивает позиции о заблуждении, обмане и доказательствах состояния по статье 177 ГК РФ. Материалы не дают оснований утверждать, что те же фактические критерии без корректировки применимы ко всем видам сделок, а также к насилию, угрозе и кабальным сделкам. Статистический вывод о результатах рассмотрения всех исков невозможен без отдельной репрезентативной выборки судебных актов.

#### **Список использованных источников**

1. Аблятипова, Н. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: анализ судебной практики / Н. А. Аблятипова, Н. В. Григорчук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 216–222.
2. Желонкин, С. С. Недействительность антисоциальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 – Санкт-Петербург, 2011. – 237 с.
3. Петрова, Е. С. К вопросу о недействительности сделок, заключенных под влиянием обмана: теория и практика / Е. С. Петрова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 298–300.
4. Писков, И. П. Отдельные аспекты недействительности сделок с пороками воли в свете нашумевшего дела о продаже квартиры. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 / И. П. Писков, А. А. Ягельницкий // Вестник гражданского права. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 196–225.
5. Потёмкин, Б. Е. Правовая квалификация сделок, совершенных жертвами мошенничества: доктринальный анализ оснований недействительности, допустимость экспертных заключений и пределы судебной защиты / Б. Е. Потёмкин, А. О. Машовец // Виктимология. – 2026. – Т. 13, № 2. – С. 345–358.
6. Тарасенко, С. А. Отдельные вопросы догматики и практики признания недействительными сделок с пороками воли / С. А. Тарасенко // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 7. – С. 64–68.
7. Шапошников, Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора / Е. А. Шапошников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2 (61). – С. 314–323.

#### **Сведения об авторах**

Демиева Айнур Габдульбаровна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». E-mail: ainuraa@bk.ru

Миронова Дарья Ивановна – магистрант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». E-mail: mironova.dasham2015@gmail.com

**UDC 347.132.6**

#### **INVALIDITY OF TRANSACTIONS INVOLVING DEFECTS OF WILL: EVOLUTION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Demieva A.G., Mironova D.I.

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

The article examines changes in the Supreme Court of the Russian Federation's approach to challenging transactions under Articles 177–179 of the Civil Code from 2015 through 31 July 2026. Resolution of the Plenum No. 25, rulings in

individual cases and Thematic Review No. 12/2026 are compared. The analysis identifies a shift from verifying an isolated statutory defect of will to assessing its recognizability by the counterparty, the precise moment of the defect and the consequences of invalidity. The limits of this approach are specified.

*Keywords: defects of will, forensic examination, fraud, good faith, invalidity of transaction, mistake, Supreme Court*

### References

1. Ablatipova, N. A. Misrepresentation and fraud as conditions for the invalidity of transactions: an analysis of judicial practice / N. A. Ablatipova, N. V. Grigorchuk // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2022. – Vol. 8 (74), No. 1. – Pp. 216–222.
2. Zhelonkin, S. S. Invalidity of antisocial transactions that violate the foundations of law and order and morality: dis. ... cand. jurid. sciences'. 12.00.03 – Saint Petersburg, 2011. – 237 p.
1. Petrova, E. S. On the issue of the invalidity of transactions concluded under the influence of fraud: theory and practice / E. S. Petrova // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 4. – Pp. 298–300.
4. Piskov, I. P. Certain aspects of the invalidity of transactions with defects of will in light of the sensational case concerning the sale of an apartment. Commentary on the ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 16, 2025, No. 5-KG25-174-K2 / I. P. Piskov, A. A. Yagelnitsky // Bulletin of Civil Law. – 2026. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 196–225.
5. Potemkin, B. E. Legal Classification of Transactions Entered into by Victims of Fraud: Doctrinal Analysis of Grounds for Invalidity, Admissibility of Expert Opinions, and Limits of Judicial Protection / B. E. Potemkin, A. O. Mashovets // Victimology. – 2026. – Vol. 13, No. 2. – pp. 345-358.
6. Tarasenko, S. A. Some issues of dogmatics and practice of invalidating transactions with vices of the will / S. A. Tarasenko // International Law Journal. – 2024. – Vol. 7, No. 7. – pp. 64-68.
7. Shaposhnikov, E. A. The use of personal evidence in proving the will of the parties to the contract / E. A. Shaposhnikov // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2025. – No. 2 (61). – Pp. 314–323.

### Author's information

Demieva Ainur Gabdulbarovna – Doctor of Law, Professor at the Department of Civil and Corporate Law, Saint Petersburg State University of Economics. E-mail: [ainuraa@bk.ru](mailto:ainuraa@bk.ru)

Mironova Darya Ivanovna – Master's student at Saint Petersburg State University of Economics. E-mail: [mironova.dasham2015@gmail.com](mailto:mironova.dasham2015@gmail.com)